

Менеджмент в сфере классической музыки – свободная ниша в российском культурном бизнесе. Пример немногочисленных частных агентств – вряд ли их наберется больше десятка в масштабах страны, – лишь показывает, насколько необходимы такие институции. Сегодня наш собеседник – Елена Харакидзян, директор проектов продюсерского агентства «Арт-Брэнд». Информационный повод – фестиваль «Опера априори», стартовавший 18 февраля в Большом зале консерватории сольной программой певицы Юлии Лежневой. Круг обсуждаемых тем не ограничился рамками одного события: Елена поделилась своим видением перспектив развития культурного менеджмента в России.

– Что привело вас, выпускнице РГГУ и Института Европейских культур, чья сфера интересов была связана с философией и культурологией, в менеджмент?

– Видимо, это какая-то природная склонность. Я ведь в детстве занималась в музыкальной школе, выступала на сцене, и поначалу родители думали, что моя судьба определена и что я стану артисткой музыкального театра. Но я сделала другой выбор, ушла в академическую науку, а в 2000 году вернулась «на круги своя» и занялась культурным менеджментом. До «Арт-Брэнда» у нас был Фонд, аббревиатура которого расшифровывалась как «Фонд организационных решений для творчества». Мы с Екатериной Волковой, которая является основателем и генеральным директором «Арт-Брэнда», занимались художественными выставками в мультикультурном контексте. То есть чтобы к выставке были приурочены и джазовый концерт, и круглый стол, и мастер-классы художников и музыкантов. Потом постепенно перешли на проекты, связанные с классической музыкой, хотя Екатерина продолжает заниматься выставочными проектами.

С 2007 года мы стали сотрудничать с Фондом Валерия Гергиева, и делали издания ко всем его крупным фестивалям, в том числе буклеты Пасхального фестиваля, издания, посвященные 100-летию хореографической миниатюры «Умирающий лебедь», 225-летию Симфонического оркестра Мариинского театра и другие. Параллельно стали, сотрудничая с отечественным бизнесом, устраивать концерты по России.

– На кого делали ставку?

– Финансы выделялись под известные имена. «Арт-Брэнд» организовывал гастрольные турне по России Гидона Кремера, Вадима Репина, Дениса Мацуева, Хиблы Герзмава, Квартета Бородина, Александра Гиндина, Бориса Березовского, Оркестров Musica Viva и «Кремерата Балтика», Кшиштофа Пендерецкого, Николая Луганского, Алексея Огриччука... Треть билетов, как и на Пасхальном фестивале, распространялась по социальным учреждениям. Крупные банки делали пожертвования, на них закупались струны, инструменты для региональных оркестров. Теперь мы разрослись, приобрели новых партнеров в лице российских филармоний и уже занимаемся менее раскрученными музыкантами, которых считаем надеждой отечественной исполнительской школы. Тут уже играют роль мои личные предпочтения. Это – пианисты Лукас Генюшас, Вадим Холоденко, альтисты Максим Рысанов, Сергей Полтавский, виолончелисты Сергей Суворов, Евгений Румянцев, кларнетист Игорь Федоров, композитор Алексей Курбатов. Это те молодые люди – от 20 до 30 лет, – в

Елена ХАРАКИДЗЯН:

ЗАНИМАТЬСЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫМИ ПРОЕКТАМИ В РОССИИ ОЧЕНЬ СЛОЖНО

Евгения КРИВИЦКАЯ

которых мы вкладываем и душу, и время, и какие-то финансы, поддерживая их.

– Каков алгоритм поисков новых имен? Вы сами часто ходите на концерты?

– Люблю всякую музыку, и академическую, и джаз – мы сотрудничаем с Даниилом Крамером, Яковом Окунем, Деборой Браун. Часто хожу на не известные мне имена, если интересная программа.

К нам в «Арт-Брэнд» приходит множество предложений о сотрудничестве. Западные артисты хотят, чтобы мы им устраивали концерты в России. В Европе сейчас наблюдается кризис из-за перенасыщения – там же концерты классической музыки проходят буквально на каждом углу: в любом зальчике, церкви. Летом почти в каждой европейской деревне есть маленький фестиваль классической музыки. Цены на билеты сильно отличаются от наших стандартов: там они общедоступны. На Йонаса Кауфманна, который в рамках «Оперы Априори» приедет в апреле, мы не можем установить цену в 20-30 евро на билет. Мы арендует крупные площадки – Большой зал консерватории, КЗЧ, ММДМ, – и они стоят недешево. Да и гонорар оперных артистов вполне сопоставим с заработками звезд европейского кино.

– А вот один руководитель бюджетной концертной организации, напротив, уверял, что иностранные музыканты только в России заламывают гонорары, чему способствует деятельность частных агентств, неумеренно задирающих цены.

– У звезд есть свой стандартный прайс, вне зависимости от того, по какой линии они приезжают в Россию.

– По-моему, все зависит от того, как договоришься.

– Согласна, что на цену может повлиять прямой личный контакт...

– Или желание артиста приехать в Россию и непременно выступить в легендарном Большом зале консерватории.

– В любом случае, гонорары западных «топовых» артистов всегда высоки. Я говорю об оперных солистах: у инструменталистов, конечно, гонорар всегда в разы меньше.

– Кстати об оперных звездах: вы ведь участвовали в проекте «Королевы оперы», получившем «нехорошую» известность? Вы продюсировали его как сотрудник «Арт-Брэнда»?

– Нет, у меня был личный контракт с Евгением Винтуром. Я в то время выполняла функции управляющей делами Хиблы Герэмава, находилась с ней в Мюнхене. Нам позвонил Винтур и поделился идеей такого цикла. Мы с Хиблой посмеялись: «12 soprano, три тенора – кто больше?..» Но потом Женя вновь вернулся к этой теме, спросил совета о персоналиях, о дирижерах, которые могли бы сопровождать «королев»... В общем, я в какой-то момент сказала: «Если хочешь, чтобы я продолжала тебе помогать советами, давай заключим договор». Мы оформили официальное соглашение на консалтинговые услуги, и отдельно я сделала буклет к «Королевам оперы». Были также договоры на менеджмент двух концертов – Хиблы с Марко Армильято и Суми Чо с Александром Сладковским.

– Как мы знаем, потом разразился скандал, обросший слухами о финансовых хищениях, обиженных примадоннах. Что же случилось на самом деле?

▲ С Суми Чо и Александром Сладковским

► С Екатериной Волковой

– Действительно, инцидент с Марией Гулегиной, не получившей свой гонорар и сделавшей эту историю достоянием общественности, не разрешился до сих пор. Могу сказать только за себя: я заключала с Винтуром договоры, обязательства по которым он выполнил. Пусть не без сложностей, но мы с ним все уладили. Вероятно, были правильно оформлены документы. А к гастролям Гулегиной я не имела никакого отношения. Знаю, что Анжела Георгиу, о которой ходили слухи, что она даже не приезжала в Москву, напротив, прилетела и отработала здесь весь промо-день. И не получив вовремя предоплаты, развернулась и уехала. История эта не закончилась, так как у Винтура остались невыполненные финансовые обязательства...

– Вы продолжаете дружить?

– Нет. С того времени и не общаемся.

– Можно ли считать фестиваль «Опера априори» отголоском «Королев оперы»?

– Я начала заниматься «Оперой априори» еще в 2011 году. Прекрасно понимаю, что для музыкальной общественности центральным событием этого проекта является концерт Йонаса Кауфманна. Но для меня лично главным станет премьера оперы «Черный монах» Алексея Курбатова. Уже два с половиной года я пытаюсь добиться ее исполнения. Вначале

думала, что может быть проще окажется показать ее где-то на европейском фестивале, тогда и в России бы заинтересовались. Ведь у нас как – «нет пророка в своем отечестве». Хотя Алексей Курбатов, помимо того, что его сочинения исполняются известными музыкантами, много чем занимается. Он был музыкальным редактором церемоний открытия и закрытия Универсиады в Казани. Он делал оркестровку мюзикла «Граф Орлов», получившего статуэтку «Хрустальная Турандот».

Оперу «Черный монах» Алексей написал в 2009 году, потом делал редакции вокальных номеров по просьбе солистов. Теперь у нас, наконец, собралась команда единомышленников, почему я очень рада.

– Какая публика придет на премьеру «Черного монаха»?

– Прежде всего – любители оперы. Весь концерт, включающий также исполнение «Замка герцога Синяя Борода» Бартока, имеет общее название – «Интеллектуальная опера». Правда, мои коллеги сказали, что это неудачная фраза. Меня, признаюсь, это поразило...

– Ну, да. Слово «интеллектуальный» с некоторых пор у нас в глазах «широкой» публики имеет негативный оттенок и считается синонимом «заумности».

– И еще: интеллект – это то, что отталкивает...

– Тех, у кого его нет. Но есть другой момент: вы не считаете, что давать в один вечер две современные оперы – это избыточно?

– Каждая идет около часа, мне думается, это не утомит публику. Потом обе оперы объединены общей идеей, выраженной красивой английской фразой: «It's all in your mind». Речь идет о природе фантазии и ее соотношении с реальностью. Являясь огромным поклонником и Верди, и Доницетти, и Пуччини, считаю, что не всегда нужно ходить в театр, чтобы затем «утират слезы» от жалости к героине, умирающей от несчастной любви. Наш оперный проект – для гурманов. Исполнение «Синей Бороды» проходит при поддержке Венгерского Института Балашши, так что я ожидаю, что среди слушателей окажется значительное число венгров, живущих и работающих в Москве. В исполнении «Черного монаха»

▲ С Майей Плисецкой и Родионом Щедриным

участвуют известные певцы: Максим Пастер, Петр Мигунов, Дарья Зыкова, у них также есть свои поклонники. Уверена, что эти оперы найдут своего слушателя.

В рамках проекта, скорее всего между вторым и третьим концертом, состоится круглый стол. Мы отказались от идеи пресс-конференции – формат «говорящих голов» сейчас не очень интересен. Предпочитаем действовать по принципу: «приходите и послушайте». Основной темой станет именно менеджмент в искусстве. Мне лично хотелось бы, чтобы билеты на Йонаса Кауфманна стоили максимум тысячу рублей. Но такую цену установить нереально, так как менеджмент в культуре требует капиталовложений, а российский бизнес сложно привлечь для поддержки подобных проектов. Каждый раз все зависит от субъективных вкусов мецената или их отсутствия.

– Какой круг персон вы планируете пригласить на круглый стол?

– Журналистов, имеющих свой взгляд на эту проблему, людей, возглавляющих концертные залы и организации, независимых продюсеров, действующих по принципу «один в поле воин». Подчеркну, что необходим диалог с хозяевами площадок. Существует поколенческая проблема: во многих структурах работают люди, привыкшие действовать по советским схемам и, главное, имеющие советский менталитет.

– То есть?..

– Негибкие. Вы не представляете, сколько надо написать писем, прошений, а потом еще обязательно лично встретиться, чтобы решить самый незначительный вопрос. Западным коллегам иногда сложно объяснить, зачем вся эта волокита, почему нет контроля внутри одной организации, где правая рука не знает, что делает левая... Заниматься музыкальным менеджментом и мультикультурными проектами в России очень сложно.

Чем дальше я двигаюсь, тем больше у меня опускаются руки. Это честное признание. Про гору и Магомета можно рассказывать бесконечно. Но если с «той стороны» мы не встретим личной, субъективной заинтересованности, то разнообразить культурную жизнь в России будет почти невозможно.

– Откуда такой пессимизм?

– А вы посмотрите вокруг, о чем говорят в СМИ. Чаще всего о том, как все плохо, что у нас вроде нет композиторов, поэтов, писателей... Никто не хочет открыть глаза и уши для того, чтобы увидеть, что все есть, что в культуре много чего происходит и развивается вполне неплохо.

– Вы перечислили имена артистов, которыми занимается «Арт-Брэнд». Довольно узкий круг, а как же другие, не менее достойные? Кто ими будет заниматься?

– Конечно, нужна здоровая конкуренция в менеджменте. Двигателем прогресса являются одиночки, одержимые люди, как Дягилев. Вот он сто лет назад все делал исходя из субъективных личных предпочтений, интуиции, и я бы еще употребила такое смешное слово, как «чуйка». Шел вразрез с мнением большинства, обладая внутренней уверенностью, что его выбор художественно оправдан. И я тоже свои действия ничем другим объяснить не могу, кроме как внутренним убеждением и собственным культурным бэкграундом. Тогда трачу свое время, энергию на поиск любых возможностей, прежде всего материальных, ради тех или иных артистов, чтобы помочь их творчеству.

Фото из личного архива Елены Харакидзян